

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

16–18 ИЮНЯ 2011

**ТАЛАНТЫ ДЛЯ НОВОЙ РОССИИ: МЫСЛИТЬ
«ПО-СКОЛКОВСКИ»**

Создание творческого капитала в России

18 июня 2011 г. — 12:00–13:15, Павильон 4, Зал 4.3

Санкт-Петербург, Россия

2011

Основным ключом к модернизации России является строительство такой экосистемы, которая поощряла бы и поддерживала динамичные и инновационные фирмы, однако глобальная война за таланты препятствует этим усилиям. Чтобы добиться поставленной цели, сама Россия и российские предприятия должны пересмотреть систему национального образования, корпоративного обучения, миграционные процедуры, программы социальной поддержки, а также систему развития навыков, которые обязательно потребуются, чтобы резко повысить уровень предпринимательства и инноваций.

Модератор:

Владимир Соловьев, телеведущий

Выступающие:

Эско Ахо, Исполнительный вице-президент по корпоративным отношениям и ответственности, Nokia Corporation

Доктор Крейг Барретт, Сопредседатель, Совет Фонда «Сколково»

Виктор Вексельберг, Председатель совета директоров, Группа компаний «Ренова»; Президент, Фонд «Сколково»

Деннис Нелли, Президент, международная сеть фирм PwC

Джон Чемберс, Председатель, Главный исполнительный директор, CISCO Systems Inc.

Участники дискуссии:

Игорь Агамирзян, Генеральный директор и Председатель правления, ОАО «Российская венчурная компания»

Андрей Волков, Ректор, Московская школа управления СКОЛКОВО

Владимир Зельман, Сопредседатель Департамента анестезиологии, University of Southern California

Клаус Кляйнфельд, Председатель и Главный исполнительный директор, Alcoa Inc.

Джулия Ли, Основатель, HCD Global

Иван Нечаев, Исполнительный директор, ОАО «Русские навигационные технологии»

Рафаэль Райф, Ректор, Массачусетский технологический институт

В. Соловьев:

Дорогие друзья! Мы начинаем нашу панельную дискуссию.

Она оказалась для многих из нас совершенно неожиданной, потому что вдруг стало ясно, что страна разделилась на два неравных лагеря. Лагерь первый — это люди, которые уверены, что в принципе любые разговоры об инновации, модернизации и о Сколково в нашей стране бессмысленны, потому что все равно никогда ничего не получится, это какая-то новая игрушка власти, единственная задача которой — найти деньги, их красивым образом своровать, и еще заодно попиариться. И зачем эти люди пытаются это делать, ведь у нас так здорово было в прошлом. Другое довольно странное и непонятное для нас племя — это люди, которые вдруг говорят: ничего подобного, мы живем в стране, где, несмотря на хронический пессимизм и многие неудачные примеры, можно что-то сделать. Но для этого надо сначала понять, что мы хотим сделать и как. И вот здесь произошел разлом сознания, разрыв.

Вчера мы с Виктором Феликсовичем принимали участие в радишной передаче, и она одновременно передавалась на трех радиостанциях, входящих в холдинг ВГТРК. Большая аудитория, и вдруг стало ясно, что люди не понимают, о чем идет речь, когда разговор заходит о Сколково, когда разговор заходит об инновациях и модернизации. Каждый говорит о чем-то своем. Поэтому я был бы очень благодарен — учитывая, что здесь присутствуют выдающиеся специалисты в этом вопросе, которые много, серьезно и профессионально этим занимаются, — если бы они смогли, кроме всего прочего, донести свою профессиональную точку зрения до самой широкой аудитории и чтобы удалось хотя бы несколько изменить тренд общественного сознания и зародить столь необходимую россиянам надежду. Не веру в то, что власть все равно не сможет, а все деньги разворуют, а надежду, что в

нашей стране есть и позитивные примеры. Это то, что принесет пользу не только отдельным конкретным личностям, но и как стране в целом, так и тем молодым ребятам, которые сейчас смотрят и думают, что им делать: жить в России, верить в то, что здесь возможно достижение, что наша родина обладает не только великим прошлым, но и великим будущим, или побыстрее в Шереметьево-2, билет — и устраиваться на работу, написав резюме, поблагодарив остатки некогда великой советской школы за полученное замечательное образование.

Я предлагаю всем придерживаться регламента, но вступать в живые дискуссии. Вы видите, мы сидим своеобразной формой, чем-то напоминающей Ноев ковчег. Это не обозначает, что спасутся только те, кто занимается инновацией, но, по крайней мере, обозначает, что многие также не понимают инновации, как когда-то не понимали Ноя. Но он оказался прав. И, тем не менее, советую каждому придерживаться, скажем, начальных трех минут, тогда мы сможем быстро и аккуратно провести дискуссию и дать возможность поучаствовать и залу. Потому что я вижу многих уважаемых людей и горящие глаза, и хотелось бы им всем дать такую возможность.

Давайте начнем. Смешно не воспользоваться служебным положением, поэтому я сначала обращусь к Виктору Феликсовичу и, простите, сяду — с моим ростом это опасно, так как могу потеряться из виду, но зато даст возможность хотя бы сконцентрироваться на том, о чем мы говорим. Итак, уважаемый Виктор Феликсович, позвольте Вам задать вопрос, который стал наверно уже притчей во языцех: что значит «мыслить по-сколковски»? И возможно ли, чтобы вся страна вдруг взяла и начала мыслить по-сколковски? Чем это отличается от традиционного российского мышления потемкинскими деревнями?

В. Вексельберг:

Спасибо за возможность выступить первым. Для меня это большая честь.

Я попробую, с учетом Вашего выступления о том, что многие не понимают, что такое проект «Сколково», сначала буквально в течение одной минуты ответить на этот вопрос. Я думаю, что вряд ли кто-то будет спорить о том, что Россия все еще обладает исключительно высоким научным и интеллектуальным потенциалом. И он сосредоточен сегодня и в академической среде, и в университетской среде, и я думаю, что каждый в обыденной жизни в той или иной форме сталкивается с тем, что все-таки Россия это большой интеллектуальный потенциал. Другой вопрос состоит в том, что, несмотря на наличие такого большого интеллектуального потенциала, никто не будет спорить и с другой вещью — что мы не умеем его реализовывать в конечные конкретные успехи, продукты. Ну да, мы еще запускаем в космос корабли, да, умеем строить неплохие ядерные станции, но во многом другом, что сегодня наполняет нашу жизнь, мы существенно подотстали. И поэтому есть проблема, как монетизировать, как коммерциализировать вот этот большой интеллектуальный научный потенциал, как конвертировать его в те конкретные продукты, которые так востребованы в обыденной жизни. Задача, которая стоит перед Сколково, — научиться покрывать тот разрыв, или научиться трансформировать те знания, которыми мы обладаем, в конкретные продукты, которые так нужны сегодня нашей стране.

Как это сделать? Наверное, однозначного ответа нет. Мы понимаем, что для этого нужны какие-то базовые компоненты, которые мы и хотим сосредоточить в Сколково. Для этого нужно новое образование, для этого нужны новые модели образовательных процессов. Поэтому важным элементом будет

создание в Сколково образовательно-исследовательского центра, который соединит в себе одновременно процесс образования, и исследования, и элементы коммерциализации этих исследований. Мы надеемся, что нашим партнером станет университет MIT, — ректор здесь присутствует — я думаю, что мы еще поговорим на эту тему. Второй элемент, который нам обязательно нужен, — это драйверы рынка. Нам нужны те компании, которые сегодня занимают лидирующие позиции и определяют вектор направления развития конкретного применения тех идей, инноваций, которые вырезают в экономической среде. Вот почему мы хотим привлечь в Сколково крупные корпорации, которые помогут нам определить базовые направления, установить форматы сотрудничества и разместить там исследовательские центры, в недрах которых и будут зреть эти идеи.

Третий и, собственно говоря, самый главный элемент: мы хотим там видеть большое количество молодых, агрессивных, смелых, образованных людей, которые в рамках так называемых стартапов будут пытаться реализовывать как раз те задачи, которые перед ними стоят. Для этого мы создаем большой технопарк, который будет поддерживать деятельность этих стартапов по тем направлениям, которые нами определены, — их пять.

Последнее, но очень немаловажное: нам нужна среда для жизни и работы, поэтому город, который мы строим, должен соответствовать самым современным требованиям и давать человеку, живущему и работающему там, нормальные условия для жизни, для воспитания детей, для медицинского обслуживания, для отдыха. Но при этом мы не хотим сделать какой-то исключительный оазис. Мы хотим сделать хаб, мы хотим сделать пилотный проект, чтобы в дальнейшем, набив шишек, поняв, где узкие места, распространить наш опыт на всю страну. Но даже на этом этапе у нас есть четкое понимание, что понятие физического Сколково

вторично по отношению к понятию виртуального Сколково. Это должна быть среда для коммуникации, общения и совместной жизни.

Для того, чтобы уложиться в минуту, я скажу, что мы твердо верим, что успех возможен лишь только в том случае, если там будут как раз те правильные люди, которые будут мыслить именно по-сколковски. Что это такое? Если очень коротко, я считаю, это должны быть люди, которые верят в себя, верят в цель, верят в то, что они могут преодолеть многочисленные «нет, не надо, не нужно». Это важно, это только те люди, у которых глаза горят немножко по-другому, чем мы привыкли видеть в очередях или в магазинах. Там должны быть люди, которые очень хорошо образованы, обладают высоким уровнем знаний и интеллектуальным потенциалом. Знаете, в спорте есть такое понятие: наглость хода. Вот вроде ты все умеешь, но ты никогда не станешь чемпионом, если ты разумно не наглый. Потому что они наглые, эти люди, которые могут отрицать авторитеты, доказывать, что они умнее и способнее. Может быть, не у всех получится, но они должны обладать этим чувством.

И последнее, нам нужны люди, которые мыслят по-сколковски и, я бы сказал, говорят по-английски — не воспринимайте это непосредственно, воспринимайте это как то, что среда там должна быть интернациональной и максимально открытой для коммуникаций со всем миром, потому что мы строим глобальный проект.

В. Соловьев:

Спасибо большое. Ну и для того, чтобы была возможность мыслящим по-сколковски поговорить по-английски и услышать позицию Сопредседателя, я считаю уместным ответить на тот же вопрос доктору Барретту.

Доктор К. Барретт:

Когда я был здесь год назад и мы впервые заговорили о «Сколково», было ощущение, что это будет очередной закрытый секретный город советского образца, но только с полем для гольфа, и это как бы всё поменяет. Все бросятся туда: ведь там есть гольф и возможность стать предпринимателем.

Мне кажется, за последние 12 месяцев мы проделали колоссальную работу. Я полностью поддерживаю позицию Виктора Вексельберга: «Сколково» — это действительно та среда, куда надо привлекать молодые таланты и где им предоставляется возможность добиться успеха. Для этого в «Сколково» созданы все условия.

Этот проект зиждется на нескольких составляющих. Во-первых, это ценнейшее научно-исследовательское наследие России. Во-вторых, это как виртуальное, так и физическое пространство страны — участие должна принять вся Россия. В-третьих, проект основывается на возможности превращения идей в интеллектуальную собственность, которую можно вывести на рынок. Еще одной составляющей является венчурный капитал — весь спектр предпринимательских инвестиций от средств инвесторов-благотворителей до венчурных капиталов и коммерциализации идей.

Именно такую среду мы стремимся создать в Сколково. В этой среде нет места для большинства присутствующих в этом зале, потому что вы слишком стары: эта среда — для молодых, для подрастающего поколения. Они должны знать, что у них есть такие возможности. Мыслить «по-Сколковски» — значит предоставлять молодому поколению возможность реализовать свой творческий и предпринимательский потенциал, выйти со своими идеями на рынок, приумножить богатство России... богатство собственное и богатство России. Именно в этих направлениях мы ведем работу с

Массачусетским техническим институтом, с сообществом венчурных капиталистов, со специалистами по защите интеллектуальной собственности. Мы стремимся к тому, чтобы проект «Сколково» стал не просто точкой на карте, а виртуальной площадкой, объединяющей самые отдаленные уголки России.

В. Соловьев:

Я предлагаю закончить нашу панельную дискуссию в связи с тем, что мы все слишком старые; предлагаю сменить аудиторию и завезти сюда все-таки воспитанников детских садов, чтобы каждое слово попадало на ту почву, которая принесет свои плоды.

Для многих россиян главный вопрос все-таки такой: Сколково — это игрушка или некая реальная возможность, в том числе, повлиять на российскую экономику? Я знаю, что господин Нелли представляет компанию, проводившую отдельные исследования, — PwC уделяло немало времени тому, чтобы проанализировать, как может повлиять проект «Сколково» на модернизацию и изменение экономики России. Деннис, не могли бы Вы сейчас поделиться своими наблюдениями?

Д. Нелли:

Добрый день. Для меня большая честь находится здесь. Мои замечания следует рассматривать в следующем контексте. На недавней всемирной встрече главных исполнительных директоров, посвященной актуальным проблемам современного бизнеса, вопрос привлечения талантов вошел в тройку наиболее актуальных для руководителей из самых разных стран мира. Как мы знаем, нехватка высококвалифицированных кадров является одним из самых серьезных препятствий, стоящих на пути развития любой компании, поэтому сейчас как со стороны компаний, так и на

государственном уровне столько внимания уделяется вопросу о том, как привлечь и удержать таланты, способные обеспечить успех в будущем. Именно поэтому, как уже было отмечено, в «Сколково» мы, прежде всего, видим возможность отыскать самых лучших, самых одаренных. Это как магнит для талантов. Обратите внимание на новое поколение выпускников школ. Крейг очень хорошо сказал: это наиболее технологически подкованные молодые люди, которых мы когда-либо видели. Они говорят на совершенно другом языке, они используют совершенно другие средства коммуникации.

«Сколково» — это интересный путь для создания среды, которая может привлечь такие таланты в будущем. В этом — положительный аспект проекта. По мере продолжения устойчивого развития страны, ее благополучие будет зависеть именно от способности привлечь и удержать молодых талантливых специалистов, а также от наличия возможностей для реализации идей по созданию новой среды — такой среды, которая отличалась бы меньшей иерархичностью и большей гибкостью, и в которой молодым и талантливым захотелось бы трудиться и процветать.

Мы видим, что российское правительство действительно серьезно отнеслось к вопросу привлечения и развития талантливых кадров.

В. Соловьев:

Получается, что единственная возможность разбить бюрократические механизмы и освободить инноваторское движение нашей страны — то есть все то, чему мешает государство, — это чтобы государство это само и сделало. То есть сейчас оно осознает, раскается, падет на грудь, состоится покаяние Раскольникова на Сенной площади, и моментально наступит эра всеобщей модернизации. Есть ощущение, что в последнее время

все только и обращаются к государству с просьбой куда-нибудь исчезнуть из экономики.

Тем не менее, есть принципиально важный вопрос: а что ищут уважаемые крупные иностранные компании в России? Ищут наши российские мозги? Разделим мозги на два подразделения: ученых и предпринимателей. Или это просто замечательная возможность попиариться и подружиться с той самой страшной властью через такой сложный момент заигрывания с ними, обрести вполне осязаемые конечные бенефиты? Насколько я знаю, Джон, Вы очень оптимистично относитесь почему-то к будущему России, что Вас выгодно отличает от многих россиян. Итак, господин Чемберс, что Вы пытаетесь найти от российских мозгов? Какого типа мозги вам нужны?

Дж. Чемберс:

Большое спасибо. Хотелось бы дать вам представление о том, какой путь проделала компания CISCO. 15 лет назад мы вышли на рынок Китая. Изначально мы вложили один миллиард долларов; мы сделали ставку на Шанхай, потому что увидели зарождающееся стремление властей к созданию качественной системы образования, к созданию качественной системы предпринимательства.

10 лет спустя мы вложили еще 16 миллиардов долларов США и добились колоссального успеха. Пять лет назад мы применили тот же сценарий к Индии, руководство которой понимало интеллектуальную мощь своей страны, стремилось развивать предпринимательство и искало взаимовыгодного успешного сотрудничества с лучшими мировыми компаниями. Наши инвестиции в Индию составили один миллиард долларов.

Пятью годами позже наш рост составил 40% в год, и мы смогли приобрести ряд компаний в Индии и Китае.

Чуть более года назад мы обратили внимание на сильное руководство в России — я говорю как о президенте Дмитрие Медведеве, об Аркадии и других высокопоставленных чиновниках, так и о представителях бизнес-сообщества, таких как Виктор. Они увидели тот же потенциал. Российские лидеры не пытались цепляться за прошлое, они говорили: «Давайте стараться ради будущего. Давайте задействуем сильный предпринимательский дух нашего народа, но с пониманием того, что нам нужно ввести что-то новое — инновации, если хотите».

Мы инвестировали в Россию один миллиард долларов в пять стадий. 12 месяцев спустя результаты оказались намного лучше, чем мы предполагали. Особенно в плане инновационных идей результаты очень и очень хорошие. Тем присутствующим, кто не считает Россию инновационной страной, сообщаю: вместе со «Сколково» мы организовали премию в области инноваций I-Prize. Первый раз мы вручали такую премию в США. Тогда количество соискателей составило только три тысячи человек. Во второй раз — уже 10 тысяч. Когда мы объявили конкурс в России, как думаете, сколько человек приняло участие? 10 тысяч человек из 170-ти городов. 3218 идей были просто потрясающими. Три первых места занял обширный ряд идей — от совершенно нового принципа развлекательных беспроводных сетевых интерфейсов, то есть интерактивности, до нового понимания самой сути взаимодействия человека с компьютером: оно должно осуществляться не посредством мышки, а с помощью взгляда, и компьютер должен следовать командам пользователя.

Участник, занявший третье место, говорил о том, что надо найти способ оцифровывать изображения и видео и классифицировать и перемещать их в зависимости от того, что на них изображено. И в здесь виден невероятный творческий потенциал этой страны.

Это дает нам основания полагать, что скоро Россия станет одной из ведущих стран в области высоких технологий, в том числе за счет этого инновационного центра. Не буду преуменьшать риски: впереди сложнейшая работа, требующая больших усилий. Но страна готова к таким жертвам. Мы видим страну, стоящую на пороге преобразований, и мы будем инвестировать в нее очень и очень активно. Свои первые инициативы в области научно-технических исследований мы хотим сосредоточить на видео и «умных товарах». Мы пришли в Россию потому, что видим здесь бесприигрышную среду для всех вовлеченных сторон.

История нашей компании показывает, что мы добиваемся успеха. Мы приобрели около 145 компаний по всему миру. Мы верим в Россию, верим в то, что она станет образцом для подражания в будущем. Мы с оптимизмом смотрим в будущее <нет звука>, и наши прошлые успехи подкрепляют эту уверенность.

В. Соловьев:

Какие страшные слова.

<Нет звука>

Дж. Чемберс:

Небольшой комментарий, если можно. Возможно, это даст вам пищу для размышлений.

В Силиконовой долине неудача воспринимается как алый знак доблести, но здесь в России неудача означает полный провал.

Но, как говорится, кто не рискует, тот не пьет шампанского. Не надо бояться поставить всё на кон, надо брать на себя риски и понимать, что успех, возможно, не придет в тот же год.

Когда я берусь за новую идею, я знаю: потребуется четыре—пять лет, прежде чем с ней можно будет выйти на рынок, и еще год, прежде чем она принесет первый миллиард. Мне кажется, важно,

чтобы люди, делающие этот проект, были готовы к неудачам и не боялись их.

Виктор и его коллеги сейчас пытаются свести риск неудачи к минимуму и на самом деле сильно перестраховываются.

В. Соловьев:

Вдруг в России что-то пойдет не так — мы, кроме того, что проект, еще и такой оптимизм погубим. Но надеюсь, что в этот раз все будет хорошо. Господин Ахо, Вы находитесь в...

Д. Нелли:

Позвольте мне еще небольшую ремарку...

В. Соловьев:

Господин Ахо, Вы находитесь в привилегированном положении, потому что Вы можете приезжать на Питерский Форум практически на своей машине, правда, не на своем катере. Потому что Финляндия совсем рядом и неожиданно показывает большой-большой России, что хоть кто-то до сих пор с благодарностью вспоминает Владимира Ильича Ленина, по крайней мере, за освобождение Финляндии, за возможность Финляндии показать, что такое настоящий инновационный бизнес. Так, независимость вы уже нашли когда-то в России. Что теперь вы пытаетесь найти? Какого типа мозги нужны?

Э. Ахо:

Большое спасибо за приглашение к участию в Форуме. Бывали ли вы в России до 2006-го года? Я был здесь в 2004-м или 2005-м году и, раз уж мы говорим о модернизации, могу сказать, что в этом плане в стране произошли радикальные изменения.

Сегодняшний Форум совершенно отличается от моего первого Петербургского форума в 2005-м году, куда меня пригласила Клэр

МакГриффин. Все меняется. И меняется благодаря тому, что появляется все больше и больше людей, ориентированных на инновации и готовых идти на риск. Я полностью согласен с точкой зрения господина Чемберса: инновации и готовность рисковать — это неотъемлемые составляющие успеха. Кстати говоря, я приехал сюда на поезде. Этот поезд тоже является инновацией.

Последний раз я был в Петербурге в среду на подписании договора с Виктором и уже вечером в среду вернулся обратно в Финляндию. И вот я снова здесь. Я приехал сюда на поезде вчера вечером. Очень всем рекомендую. Это отличное средство передвижения, традиционное и, в тоже время, инновационное.

Что привело нас всех сюда? Многие читали книгу Малкольма Гладуэлла «Гении и аутсайдеры». Гладуэлл выделяет пять компонентов, необходимых для успеха человека, компании, нации. Что это за компоненты? Выбор правильного момента, революционные технологии, необходимые таланты, способность брать на себя риск и, наконец, правильная экосистема — это те компоненты, или условия, которые необходимы для успеха. Именно это мы и хотим увидеть в проекте «Сколково».

Первые две составляющие у России есть. Момент правильный, я бы даже сказал, идеальный. Революционные технологии есть, и, я уверен, ваши партнеры помогут вам их освоить, это не проблема. Но как обстоит дело с талантами? Мне кажется, России нужны не просто люди, имеющие высшее образование, а специалисты, которые, во-первых, способны мыслить глобально и, во-вторых, обладают междисциплинарными знаниями. Я верю, что «Сколково» может этому способствовать. Но для того чтобы «Сколково» могла это сделать, чрезвычайно важно, чтобы люди были готовы принимать риски и делать венчурные инвестиции в подобную бизнес-среду.

И, наконец, экосистема. Мне кажется, на самом деле... прежде всего, мы работаем над экосистемой. Изначально мы располагаем очень ограниченными средствами, но если проект сработает, эти принципы можно будет распространить на всю Россию.

В заключение, как бывший политик, хочу сказать, что крайне важно понимать — особенно российским властям, — что инвестиции не вернуться в следующем или даже 2015 году. Это долгосрочное предприятие. Если вы думаете только о предстоящих выборах, то, поверьте, это не принесет мгновенных плодов. Это важный политический момент. Но если и деловое сообщество, и государство мыслят в долгосрочной перспективе, этот проект может стать в России по-настоящему успешным.

В. Соловьев:

Спасибо большое. Ну мы-то как раз привыкли ждать и глубоко убеждены, что дивиденды быстро не приходят, если мы, конечно, не говорим об эпохе 90-х годов. Вопрос в другом: понять бы, к кому они придут.

Здесь, я думаю, вполне уместный вопрос Жоресу Ивановичу Алферову, нашему великому ученому, лауреату Нобелевской премии, депутату Государственной Думы и человеку, который знает о науке, наверное, больше, чем 99,9% населения страны. Жорес Иванович, вот сейчас сформировалась специфическая точка зрения, что в том состоянии, в котором находится современная российская наука, она, увы, не формирует потока инновационных идей. Вы согласны с этим? И как Вы считаете, проект «Сколково» имеет право на жизнь? Оправданы ли надежды, которые на него возлагают?

Ж. Алферов:

Спасибо. Прежде всего, я хочу сказать, что о «Сколково» можно говорить очень долго, и в трехминутное выступление, естественно, ничего не скажешь. Я написал довольно большую статью о «Сколково», в которой изложил и проблемы истории Кремниевой долины, и наш ответ на Кремниевую долину в свое время, и нынешнее состояние. Статья эта опубликована 28 апреля в любимой для меня газете, которую может быть многие у вас не читают, это «Советская Россия» и ее замечательный редактор Валентин Васильевич Чикин.

Я хочу сказать следующую вещь. Когда мне было предложено быть Сопредседателем научно-консультативного совета «Сколково», я это предложение принял сразу. И принял по той простой причине, что я не вижу сегодня более важной задачи для страны, чем возрождение промышленности высоких технологий, которая была в России, с которой мы успешно конкурировали в военных областях, и не только в военных. Нужно сказать, что все современное, так называемое постиндустриальное общество, — это, прежде всего, развитие информационных технологий. Это открытие транзистора в США, лазера в США и в СССР, кремниевых чипов в США, полупроводниковых гетероструктур в СССР и в США. Именно на этой основе развилось то информационное общество, и развилась та масса технологий, которые сегодня очень бурно развиваются везде: и в Финляндии, и в США, и во многих других странах.

Сразу же возникал вопрос: а почему «Сколково»? У нас есть Новосибирский Академгородок — замечательный центр, который до сих пор сохраняет свое значение и где проводятся прекрасные работы. У нас есть Зеленоград, Дубна, Саров, Снежинск. «Сколково», тем не менее, имеет право на существование по очень простой причине. Во-первых, нам нужно сегодня развивать высокие технологии и развивать их широкое внедрение, и здесь нужна новая идеология. «Сколково», я это повторял и писал в статье, это

не столько место, сколько идеология. Второе — я тут соглашусь с Вами — сколковский проект предложен президентом страны. И сегодня он предложил «Сколково», а не Дубну, не Академгородок, а то, что сегодня в нашей стране предложено президентом, имеет право на большой успех.

В. Соловьев:

Политически очень мудро.

Ж. Алферов:

Теперь мы должны создавать в «Сколково» научно-образовательный центр. Сегодня это просто требование времени: совершенно новый подход к аспирантуре и к образованию в аспирантуре на междисциплинарной основе, с очень серьезными образовательными, а не только исследовательскими программами. В этом отношении, скажем, одним из пионеров является мой университет, который я создал в Санкт-Петербурге, единственный академический университет, принадлежащий Академии Наук. Сегодня в этом отношении есть очень хорошие примеры. Когда я его создал, я думал, что я пионер. Лет шесть или семь ушло у меня на борьбу с нашей бюрократией, чтоб университет получил хотя бы минимальный бюджет. Но затем я узнал, что такие университеты есть: в Канадаве в Японии, куда я приехал получать докторскую степень, Азиатский технологический институт недалеко от Бангкока.

Нужно сказать, что очень важный момент для нас в том, что «Сколково» мы должны делать в международном сотрудничестве — это очень важная для нас компонента, которую раньше нам трудно было реализовывать. Наука всегда интернациональна, и она была у нас интернациональна, кроме определенного периода, когда было очень много закрытых и

секретных работ, сразу после войны, но это же было и в США в это время. Наука интернациональна, мы должны это делать вместе, и наш Научный консультативный сколковский совет представляет собой пример интернационального похода. Его Сопредседатели — ваш покорный слуга и профессор Стэнфордского университета Роджер Корнберг, выдающийся биохимик, родившийся в уникальной семье — папа получил Нобелевскую премию в 1959-м году, а сын — в 2006-м, и папа дожил до этого счастливого момента. Но это делается в интернациональном сотрудничестве. Наука интернациональна, это не делается заказом MIT, Intel'у, другим компаниям: придите к нам и сделайте хорошо. Успех в «Сколково» может быть только при одном условии: мы делаем это вместе и не делаем вам заказ. А вы вместе с нами помогаете нам, используя ваш опыт для развития высоких технологий, прорывных технологий, новых направлений. И вот это чрезвычайно важно, чтобы наши зарубежные партнеры поняли, что они должны продемонстрировать, что они идут в «Сколково» не за высокими деньгами, не за поиском российских талантов, чтобы использовать их у себя, а для того, чтобы вместе, имея отличные традиции и могучую базу, развивать науку, технологию и инновации в нашей стране.

В. Соловьев:

Спасибо, Жорес Иванович. Так что предлагаю снять дорогие костюмы и накинуть на себя хитоны и отправляться пешком в «Сколково». Но не на «Ладе Калина», а то поймут, что вы поддерживаете в данный момент Премьера и его идеи. Жорес Иванович, тем не менее, Вы не осветили очень важные вопросы, к сожалению, довольно болезненные. Ведь советская наука, и во многом американская наука, в частности, академическая, де-факто всегда выполняли заказ военно-промышленного комплекса. Не

наступает ли вот здесь принципиальное противоречие. С одной стороны — нужды ВПК, которые не бывают интернациональными; с другой стороны — интересы той академической науки, о которых Вы говорите и настаиваете на ее интернациональном звучании.

Ж. Алферов:

Я хочу сказать, что в России у нас, несмотря на очень тяжелые потери, которые мы понесли, Российская академия наук сохранила научный потенциал и структуру научных организаций. У нас в Академии наук и сегодня выполняется целый ряд очень важных исследований. В свое время очень сильно продвинуло нашу науку выполнение атомного проекта. Я могу сказать, что это был крупнейший инновационный проект в России, который продвинул не только оружие, а очень многие направления исследований. Чрезвычайно важно было то, что в это время научным сотрудникам были созданы большие приоритеты, независимо от того, чем они занимаются. В то время зарплата научного сотрудника, получившего степень кандидата наук и на следующий день становящегося старшим научным сотрудником, была три тысячи рублей, такая же зарплата — у директора крупного завода. Между прочим, это была одна из причин, почему многие молодые ребята, окончивая школу, шли в науку и старались достигнуть определенных результатов.

Теперь наш инновационный проект, его кадровые проблемы для нас решил Абрам Федорович Иоффе, создатель советской физической школы, рано понявший, что современная физика есть основа новых технологий. И именно физическая школа Иоффе и определила этот успех после войны. Кадровую проблему для Манхэттенского проекта решил Адольф Гитлер, поскольку она выполнялась в основном зарубежными учеными, эмигрировавшими в США после того, как Гитлер пришел к власти. Во все времена,

даже во времена холодной войны, отношения между советскими и американскими физиками были очень хорошими. Правительства нам мешали с обеих сторон проводить совместные симпозиумы, семинары, но мы делали это, мы развивали науку и вместе в 1986-м году, я это прекрасно помню, организовали противостояние Рейгану за организацию звездных войн. Один из наших общих аргументов был: нам не нужна снова секретность, нам не нужно снова отделяться, мы только достигли, наконец, открытых интересных работ вместе, и давайте их продолжать.

В. Соловьев:

Спасибо. Хотел бы просто отметить, Жорес Иванович, что, когда Вы говорите о предпринимателях, Вы считаете, они не должны прийти за деньгами, но когда мы говорим об ученых, мы мечтаем о том, какое было прекрасное время, когда им платили много. Давайте все-таки будем относиться к деньгам объективно и говорить, что предприниматели тоже не должны работать за зарплату МНС советского периода.

Иван Нечаев представляет компанию, которой удалось прорваться, несмотря ни на что — «Русские навигационные технологии». Насколько было сложно построить инновационную компанию в России? Что труднее: найти таланты или пробить административные барьеры?

И. Нечаев:

Спасибо большое за вопрос. Я думаю, что построить компанию сложно в любой стране мира. Построить инновационную компанию сложнее в разы, особенно в России. Потому что когда вы строите инновационную компанию, вы еще не знаете ни продукт, ни рынок. Вы должны быть готовы к тому, чтобы взлетать и падать. И вы

должны за 3–4–5 лет убедить мир, что с вашей технологией, с тем продуктом, с которым вы приходите в этот мир, он станет лучше.

Нашей компании во многом повезло, потому что мы оказались в нужном месте в нужное время. Благодаря тому, что наш рынок только начинался, и начиналось венчурное финансирование в России, мы договорились с венчурным фондом «ВТБ Управление и Активы», с «Российской венчурной компанией», и нам удалось привлечь финансирование.

Что еще интересно за последние два дня, что я был на Форуме: наша компания работает не только в России, мы смотрим на мир глобально, и к нам периодически приходят мировые инновационные центры с предложением разместить хедквотер нашей компании у них. Вот буквально на днях я общался с представителями Голландии, вчера я общался с представителями «Сколково», и что меня обрадовало, что те условия, которые предлагает «Сколково», намного более интересны, чем те условия, которые предлагают в Голландии или в других странах, это очень приятно.

Что касается талантов, я думаю, что таланты тяжело искать везде. Может быть, в России их вырастить немножко легче, благодаря тому фундаментальному образованию, которое есть. А вот административные проблемы, особенно для молодых компаний, для молодых инновационных компаний, — это серьезная проблема, и мы это ощутили на себе. Более того, я хочу сказать, что одним из тезисов, с которыми мы шли в прошлом году на IPO, было как раз то, что, благодаря тому, что компания станет публичной, благодаря тому, что бренд станет узнаваемым, нам будет намного проще работать на этом рынке. Вот почему это основной вопрос.

В. Соловьев:

Дошли до IPO?

И. Нечаев:

Да, в прошлом году.

В. Соловьев:

То есть получили этот орден капиталистического труда? Легче стало?

И. Нечаев:

Да, это можно посмотреть даже просто по структуре.

В. Соловьев:

То есть по внутренним ощущениям?

И. Нечаев:

Да, это можно посмотреть даже по структуре нашей выручки — доля крупных компаний госсектора в выручке нашей компании выросла в разы. Очень показательно.

В. Соловьев:

А как удалось пробить административные барьеры? Дали взятку? Позвонили другу?

И. Нечаев:

Это очень хороший вопрос. Нет, я думаю, что здесь вопрос следующий. Когда вы — молодая компания, когда вы новая компания, когда вы участвуете в каких-то крупных государственных либо коммерческих тендерах, вам обязательно нужно иметь имя, чтобы вас воспринимали серьезно, чтобы относились к вам серьезно. Если в прошлом году мы участвовали в большинстве тендеров, которые проводят по нашей тематике в России, но

практически нигде не добивались успеха, то после того, как мы стали известными — к нам стали относиться серьезнее. Мы показали, что есть рынок, что этот рынок стал прозрачным, — мы фактически первая компания на нашем рынке, которая сделала IPO и показала правила работы на этом рынке

В. Соловьев:

То есть так и не ответите на вопрос?

И. Нечаев:

Нет.

В. Соловьев:

Понятно. Российское ноу-хау, ясно.

Виктор Феликсович объявил, что принято принципиально важное решение, я помню, что как раз год назад начались переговоры с MIT. И если все сложится правильно, то уже через несколько десятков минут состоится торжественная церемония подписания. Но возникает вопрос к господину Волкову: российское образование поддерживает таланты? И сможет ли один Сколковский институт технологий, даже с такой мощной помощью, как взаимодействие с MIT, исправить эту ситуацию?

А. Волков:

Один точно нет, и то, что говорил академик Алферов, демонстрирует, что нам нужна серия классных, интересных, амбициозных и, как сказал Виктор Феликсович, наглых образовательных учреждений. Да, конечно, у нас трудности в образовании случились за последние 20 лет, и не маленькие. И вот сейчас только что перед этой сессией была дискуссия об образовании, об университетском образовании, и все сошлись в одном мнении: мы должны вложить еще. Ну, если быть конкретным,

примерно 1% ВВП добавить как минимум к тому, что мы сейчас тратим на образование. Но нам придется для этого переделывать в стране образовательную структуру. Должны появиться другие университеты, должны быть изменены правила работы существующих. В этом смысле, отвечая на Ваш вопрос: конечно нет. Может быть, не очень скромно, но мы сами на себе ставим эксперимент, я имею в виду бизнес-школу «Сколково». Уже шесть лет мы строим новые образовательные учреждения с нуля

В. Соловьев:

Извините, но если я правильно помню, то этот ноль выражается суммой в несколько миллионов долларов и многими уважаемыми людьми, которые эти нули дали. Так что всем бы такие нули для начала.

А. Волков:

Заметьте, Владимир, мы тут честно играем. Эти все нули взяты не из государственного бюджета, а из частных денег.

В. Соловьев:

Буквально новая дефиниция честности, да?

А. Волков:

Да, и это очень показательно, потому что люди тратят на образование свои деньги, а не государственные, что мне кажется признаком другого отношения к образованию в нашей стране.

Вот тут звучала очень важная мысль. Да, минимальное требование — очень достойное хорошее базовое образование, но вот два других компонента нам предстоит научиться делать, а именно: делать это международным образом, очень нетривиально — разные культуры, не говоря уже о разном языке, разное отношение. И второе, как ни странно, — это принятие

рисков вдлинную. Вот этой культуры, как я вижу, работая сейчас в бизнес-школе, в школе управления, пока не очень много. Все хотят достаточно быстро, а играть придется вдлинную и долго. Кстати, образовательные учреждения могут здесь сыграть свою роль, ставя такое отношение, такой тип отношения к жизни. Это следующий этап развития системы образования.

В. Соловьев:

Понятно. Когда Вы говорите о необходимости играть вдлинную, Вы сейчас убеждаете нас или тех спонсоров, которые выделили безумные деньги? Потому что в пересчете на одного участника этого проекта, они показывают, что в России действительно таких учебных заведений много быть не может — бюджета не хватит.

А. Волков:

Поэтому и не надо рассчитывать только на государственный бюджет, а и на частный тоже.

В. Соловьев:

Господин Зельман, Вы прекрасно знаете реальности двух миров, разделенных океанами. Как Вы считаете, Сколковский институт, Сколково как таковое, может изменить ситуацию, которая сейчас сложилась, или этого недостаточно? Я знаю, что обычно Вы выступаете замечательно, ярко, но, тем не менее, обед должен наступить. Поэтому я Вас очень прошу сразу на меня не обижаться, но придерживаться более или менее традиционных рамок.

В. Зельман:

Первое: я абсолютно уверен, что это будет успех, и вот почему. Я может быть случайно здесь, я, в общем-то, практикующий доктор 53-х лет в области реаниматологии. Я вижу или последнее дыхание, или вместе с коллегами мы знаем, что спасаем больного.

За 35 лет, находясь в США, я никогда не порывал с Россией и страдал от того, что мои коллеги здесь никак не могли добиться чего-то. Только единицы из них, с которыми я работаю постоянно, — это Институт патологий кровообращения в Новосибирске в Академгородке, институт Бурденко — стали крупными международными центрами, потому что там есть энтузиасты, они создали возможность молодым специалистам достичь того, что они хотели. Очень часто приезжают ко мне коллеги с предложениями. Они здесь не могут найти выхода. Им чиновники отказывают. Совсем недавно показали по центральному телевидению в Америке прекрасный прибор, которого мы здесь пять лет добивались — испытывается в Сан-Диего в госпитале аппарат, который может инфекционную окружающую среду улучшить. Это очень большая проблема. А здесь не дали возможность. Сейчас есть прибор, его не покупают. Таких примеров много. Я надеюсь, то, что пишется, будет правдой. Я думаю, этот новый проект даст возможность этим людям, которые ходят во все инстанции, поможет им.

Второе. Конечно, каждое такое новшество должно приносить доход. Доктора этого не умеют, и нам нужна эта помощь именно специалистов этой организации. Я вообще последние шесть месяцев — это стало моей почти второй работой — я здесь был четыре или пять раз, ко мне приезжали и Игорь Горянин, и Алексей Ситников. Они полтора дня работали и поняли, что USC, очень интересный университет так же развивался — вот мистер Барретт знает Стива Сэмпла. Он начал точно так же с отсталого университета, привлекая молодых, давая им возможность, создавал коммерциализацию открытия — это Голливуд, все эти фильмы, которые они проводили. Сейчас ведутся даже переговоры о дизайн-центре, который Валентин Юдашкин тоже хочет там

устроить. Это будет для того центра новшеством, и это уже идет в обратном порядке.

В. Соловьев:

Согласен. Пусть теперь они страдают.

В. Зельман:

Это с Вашей точки зрения. Я Вас слушаю каждый четверг вечером, так что я знаю Ваш стиль. И теперь я хочу серьезно сказать, почему еще я рад, что я присоединился к этому, и делаю это действительно с удовольствием. Потому что в следующие 25 лет будет крупнейший прорыв в здравоохранении, в медицине. Это будет молекулярная медицина, и очень важно, чтобы появился лидер, который это объединит. Большая проблема — подготовка кадров. В Америке ни одна медицинская школа не является изолированной, она является частью университета, где есть кадры, которые могут готовить студентов по базовой молекулярной биологии, физике, химии — это все ведь является основой этого прорыва. У нас здесь в этой стране есть индивидуальные медицинские школы — это трудный процесс, здравоохранение нуждается во врачах, — но надо в университетах открывать факультеты. И я надеюсь, что вы, сколковцы, сумеете привнести это для того, чтобы создавать эту новую медицину. То есть в Сколково очень много интересного может быть. И если мы не будем в это верить, то оно будет пропадать, как это было во многих великих стройках коммунизма.

В. Соловьев:

Спасибо Вам большое.

Госпожа Ли, в Китае планируется со школьной скамьи учить детей по принципам бизнес-школ. Для чего?

Дж. Ли:

Я бы хотела поговорить о духе «Сколково». Мне кажется, идея «Сколково» близка по духу идее организации учебного процесса в школах Китая. Мы решили пойти дальше и начать с детей.

Недавно в Шанхае был запущен экспериментальный проект для младших школьников. В первую очередь мы изменили образовательную программу. Детям были выданы планшеты iPad. В задачи учителя более не входит подготовка учеников к экзаменам. Мы прививаем детям способность учиться самостоятельно, а не получать знания от педагога. Например, учитель может дать задание: «Поработайте в группе. Покажите мне, что вы знаете о Греции». Работая в группе, ученики с помощью iPad исследуют данную тему, а затем выступают с сообщением.

Таким образом они учатся находить и обобщать информацию, работать в команде, вырабатывают лидерские качества, учатся спорить и договариваться о том, что войдет в конечный вариант их выступления. Так инновации внедряются в жизнь уже в раннем возрасте.

В сфере профессиональной подготовки Китай сталкивается с теми же трудностями, что и другие страны мира. Шесть миллионов выпускников не могут найти работу, университеты не могут подготовить необходимые кадры.

Поэтому по всей стране мы начали вводить инновационные образовательные программы. Мы более не нацелены на подготовку руководителей высшего звена, сейчас нам нужны эффективные менеджеры.

К процессу подготовки талантов можно подходить с двух сторон. Мы должны концентрироваться на самом начале, и в определенном смысле этот китайский подход близок по духу проекту «Сколково». Спасибо.

В. Соловьев:

Джулия, как Вы отнесетесь к тому, если Вам в России предложат должность, которую сейчас занимает министр образования Фурсенко? Потому что у нас, к сожалению, никто так о школах и не думает. Так что, кажется, у Вас есть возможность поработать в России. Сейчас переводчик Вам поможет разобраться. Вот что значит политика! Мудро сломали аппарат. А тем временем, господин Нелли, у Вас был комментарий.

В общем, это был не вопрос. Это была злая шутка про нашу российскую реальность.

Д. Нелли:

А мне кажется, это важное замечание.

Недавно в Китае был разработан десятилетний план по человеческому капиталу. Его главная цель — переход от демографического дивиденда к дивиденду, основанному на талантливых трудовых ресурсах. Вторая цель — обеспечить потребности человеческого капитала на более долгий срок.

И я считаю, это говорит нам о том, что если государство как институт начинает заниматься вопросами талантов и человеческим капиталом, но не разделяет принципов «Сколково», то с точки зрения конкурентоспособности такое государство сильно проиграет. Мне кажется, это меняет наше общее представление о вопросах, касающихся талантов и их привлечения в более долгосрочной перспективе.

В. Соловьев:

Мы сейчас несколько перешли от важной темы, которую затронули, когда говорили о роли государства и административных мерах. Поэтому у меня важный вопрос к господину Кляйнфельду.

Российское правительство требует от государственных компаний разработки программ инновационного развития. Вы считаете, что такие административные меры помогут развить потребность в инновациях со стороны бизнеса?

К. Кляйнфельд:

Начну со следующего замечания. Если Вы руководите компанией, то Вы должны понимать, что в сегодняшнем мире информация движется с огромной скоростью. Это обеспечивают таланты. Если на вас не работает слаженная команда из настоящих профессионалов своего дела, Вы не добьетесь успеха, согласны? Это первый момент, справедливо относящийся как к компаниям, так и к целым странам, потому что на уровне стран тоже есть определенная конкуренция; национальные компании конкурируют между собой. Это первое. Вся эта идея, касающаяся талантов, обращение к ней — это просто замечательно.

В качестве пищи для размышлений я хотел бы представить вам четыре соображения. Во-вторых, надо определиться, что такое талант, потому что здесь звучали очень многие интерпретации. Многие не приходят к общему пониманию, какой именно талант нам нужен. Я бы советовал вам следовать своим путем, опираясь на традиции и энтузиазм, которые я счастлив здесь снова видеть. Хорошо, что мы подняли эту тему и обращаемся к положительному опыту Советского периода.

В моем понимании, талант не сводится просто к диплому MBA, мне хочется видеть «глубокого» и «широкого» человека. Глубина возникает, как правило, в результате осмысления личного и профессионального опыта. Я называю эту модель T-образной. Я не стану принимать на работу поверхностного человека, который получил MBA «для галочки». И никому не рекомендую этого делать. Это мое первое соображение.

А второе — для меня отраднo, что мы не просто говорим о «Сколкoвo», а о духе «Сколкoвo». Сейчас поясню. Для такой страны, как Россия, «Сколкoвo» — это превосходный проект, решающий множество вопросов, но одного только Сколкoвo недостаточно. По этой причине члены Международного консультативного совета обещают: «Мы будем выступать перед университетами как минимум раз в год», — и это очень важно.

Интересно, что, когда я бываю на таких встречах, меня спрашивают: «Почему Вы, директор западной компании, приезжаете чаще, чем российские управленцы?» Очень интересное и неожиданное для меня замечание.

Третий момент: когда речь заходит о предпринимательстве — думаю, Иван хороший тому пример — мы очень часто подразумеваем одного человека, который готов делать все. Это достаточно уникально, потому что в конечном итоге для успеха необходимы три составляющие, а именно: хорошая техническая идея, знание финансовой стороны вопроса и умение вести коммерческую деятельность. Редко один человек обладает всеми этими способностями. Поэтому надо найти механизм, подобный тому, который используется в Кремниевой долине, для того чтобы сводить людей с такими талантами вместе, не так ли? Некоторые вузы это обеспечивают. У вас в настоящий момент этого нет, поэтому необходимо подумать над тем, как построить подобные взаимосвязи.

Последнее мое замечание, четвертое. Мне кажется, люди с интеллектуальными способностями в равной степени распределены по всему земному шару. В стране госпожи Ли проживает 1,3 миллиарда человек. Так вот, если верить, что умные люди распределены по земному шару равномерно, то представьте, сколько их в Китае — и я убедился в этом на своем опыте, мне очень понравился Китай. Итак, выходит, что Россия в структурном

плане находится в невыгодных условиях, не так ли? Невыгодные условия для страны! Я знаю, что в прошлом году численность населения в Вашей стране снова начала расти впервые за долгое время, но до 1,3 миллиардов человек еще очень далеко. Не знаю, какие это может иметь последствия и хорошо ли это.

В Советское время Россия была очень привлекательной страной, в том числе и для стран СНГ, как мы их сейчас называем, и в нее стекались таланты. Я призываю вас продолжать работу в этом направлении и подумать над тем, как можно привлечь таланты из других стран.

Я обратился к статистике США, чтобы показать вам, какую роль в этом отношении играет там иммиграция. 25% всех технических и инженерных стартапов организуются иммигрантами. Это в США, 25%. В руководстве 12% всех новых предприятий в США в той или иной степени задействованы иммигранты. Среди иммигрантов в США в два раза больше людей с научными степенями. 670400 человек получают образование в США. Можно продолжать и продолжать.

Это позволяет США очень эффективно бороться с невыгодными структурными условиями. Я не увидел, чтобы этот вопрос сейчас обсуждался в России. Мне кажется, это было бы большим плюсом к тем сильным моментам, о которых сегодня шла речь. Я искренне призываю вас продолжать движение по намеченному пути.

В. Соловьев:

Блестящее выступление, но, к сожалению, судя по всему, наши власти считают, что главное структурное несоответствие в нашей экономике — это не нехватка мозгов, а недостаток дворников. Поэтому пока большинство людей, приезжающих в Россию, занимаются исключительно уборкой улиц, а не попыткой организовать новые компании и что-то разработать. Но также в

этом выступлении прозвучала очень глубокая и правильная мысль о необходимости социальных лифтов. Господин Агамирзян, Ваша компания «РВК» является ли одним из таких лифтов? Насколько для вас важен этот проект, и насколько вы важны для этого проекта?

И. Агамирзян:

Спасибо большое, Владимир. «Российская венчурная компания» вообще-то является одним из соучредителей проекта «Сколково», кстати говоря, я вхожу в попечительский совет. Я был глубоко уверен с самого начала, что этот проект в нашей стране абсолютно необходим, что нам нужен новый Гринфилд, Гринфилд большого масштаба, и Гринфилд именно в этой области — не чистая наука, не чистое образование, а формирование экосистемы технологического предпринимательства, включающее все элементы. В экосистему должны входить и образовательные элементы, и исследовательские; университет совершенно необходим, но не меньше необходимо и участие транснациональных корпораций, потому что они приносят культуру ведения бизнеса. И без них не будут эффективными стартапы, им не у кого будет учиться, как делать глобальный бизнес. Мыслить по-сколковски, на мой взгляд, — это значит мыслить глобально. А для того, чтобы мыслить глобально, надо учиться мыслить глобально, а для этого нужно, честно признаться, либо уехать в глобальный мир и жить там, либо этот глобальный мир привезти сюда, что для нас предпочтительнее. Президент, выступая вчера на нашем Форуме, говорил об открытии экономики, и привел замечательный пример с тем, что парашют работает тогда, когда он открыт. Вот «Сколково» — именно такая часть проекта по открытию парашюта глобальной экономики. И пока мы не научимся мыслить по-сколковски, пока мы не импортируем вот это понимание того, как

работает, как живет современный глобальный мир постиндустриальной эпохи, мы не сможем открыть этого парашюта. Поэтому тут не в лифте дело, хотя, конечно же, все институты развития являются лифтами для новых инновационных компаний.

В. Соловьев:

Спасибо большое. Сейчас я могу предоставить возможность высказаться еще нескольким людям, задать вопросы. Мне кажется, было бы для нас большой честью, если бы, господин Райф, Вы с нами поделились своими размышлениями. Я знаю, что еще отдельно будет большая церемония подписания, но так как здесь Вы во многом представляете икону современного представления о том, что такое лучший образовательный и научный, технический и предпринимательский университет, то интересно, как Вы рассматриваете «Сколково», зачем она Вам? Это новая возможность? Прорыв в будущее? Жест благотворительности? Или просто попытка «заграбастать» новую территорию?

Р. Райф:

Большое спасибо Вам, Владимир, за то, что дали мне микрофон, поскольку я хотел бы...

В. Соловьев:

Да, микрофон в моей власти.

Р. Райф:

Позвольте вернуться к тому, о чем только что говорил академик Ж. Алферов.

Так получается, что я полностью разделяю его мнение. Мне хотелось организовать здесь подобие Массачусетского технического института. США испытывает чувство глубочайшего уважения к российской науке и достижениям российских ученых.

Причина заинтересованности Института в этом проекте состоит как раз в том, что мы хотим сотрудничать с российскими учеными и российскими институтами. Мы хотим работать вместе с ними, хотим учиться друг друга. Я твердо убежден, что вместе мы сможем добиться большего, чем в одиночку. Я считаю, что «Сколково» — это грандиозный российский проект.

Я полностью согласен со многими комментариями предыдущих ораторов: правильный момент и — пока что — правильные люди. Мы привнесем в «Сколково» международный дух и сможем поработать с российскими учеными. С помощью MIT и других американских организаций, с помощью глобальных институтов, корпораций и университетов, «Сколково» имеет все шансы стать зарождающейся столицей международного сотрудничества и инновационной экосистемой, которую можно будет распространить на всю Российскую Федерацию и другие страны.

В. Соловьев:

Спасибо большое. Я вижу в зале многих людей, которых знаю много лет, с которыми даже учился в школе, правда, теперь они возглавляют Boeing. Я знаю, что в зале также присутствует компания Microsoft, я вижу губернатора Екатеринбурга, по старинке Свердловской губернии, господина Мишарина. Если у Вас есть желание высказаться или задать вопрос, пожалуйста, сделайте мне тайный знак — не купюрой, — и я предоставлю Вам возможность воспользоваться микрофоном. Если у кого-то есть вопросы или выступления, пожалуйста. Ну давайте мы начнем. Вы первый подняли руку, давайте начнем с Вас.

К. Фаенов:

Спасибо, Владимир, спасибо всем участникам сессии за очень интересную, обстоятельную дискуссию. Меня зовут Кирилл Фаенов,

я здесь представляю компанию Microsoft. Я отвечаю за направление научно-технических вычислений, то есть это суперкомпьютерные технологии и их применение в облачных вычислениях. Моя группа открывает новое направление исследовательских разработок здесь в России, как часть проекта «Сколково». Я хотел бы сделать замечание, основанное на моем 20-летнем опыте работы с десятками стартап-проектов, как их основатель, руководитель, так же как советник как внутри Microsoft, так и вне компании.

Собственно, процесс создания чего-то нового парадоксален, это процесс изобретения и внедрения, или, говоря по-английски, это invention и innovation. Для процесса создания чего-либо нового необходима очень сильная научно-техническая база, долгосрочные инвестиции, терпение и открытость, потому что это процесс, который непредсказуем. Для процесса внедрения — это селекция новых идей на рынке. Стартап-проекты представляют уникальную конфигурацию, позволяющую привлечь новых людей, новые группы, создать новые механизмы выхода на рынок и, главное — измерить эффективность этих предприятий в рыночных условиях. Поэтому Microsoft с удовольствием поддерживает направление «Сколково», работает со стартапами, открыло посевной фонд, в котором за последние шесть месяцев инвестировала пять стартапов и благодарна за возможность участвовать в этом.

В. Соловьев:

Спасибо. Ну тогда от software к hardware, тогда «Боингу» передадим слово.

С. Кравченко:

Спасибо, Володя. Я Сергей Кравченко, президент компании Boeing в России и СНГ. Я хочу сделать два заявления. Первое: я лично и

моя компания очень верим в то, что «Сколково» — это проект абсолютно необходимый России и миру. И я верю в то, что этот проект состоится. И второе заявление. Знаете, вот есть одна очень тонкая грань. Все крупные корпорации, будь то Cisco, Intel или Boeing, являясь публичными компаниями, не могут себе позволить заниматься фундаментальными исследованиями, если они не востребованы нашими продуктами. Нам просто Советы директоров это не позволяют.

Тем не менее, есть огромная необходимость в инновациях, в новых материалах, в новой математике. И мне кажется, что не нужно делать в «Сколково» традиционных проектов по аутсорсингу. Мы это сделали в Boeing для себя и для России — у нас самый большой инженерный центр, 1500 инженеров за пределами США, в Москве. Самый большой научно-технический центр за пределами США, 450 ученых в семи городах России, и второй после Индии центр по IT-разработкам, которые ориентируются только на создание чего-то нового. Но это все аутсорсинг, это все России очень нужно, потому что Россия может экспортировать интеллектуальные сервисы, как Индия или как Китай, и это будет антидот нефтяной зависимости, но этого в «Сколково» делать не надо. А вот что в «Сколково» делать надо, как говорил один из наших выдающихся ученых, нужно подумать, как крупнейшие компании мира будут решать вместе с российскими коллегами, какие нужны инновации в физике, в химии, в новых материалах, в математике, создать совместные лаборатории и сделать «Сколково» центром инноваций не только для России, но и для мира.

В. Соловьев:

Спасибо большое. Простите, но я увидел, что появились большие тяжелые камеры, предвестники появления VIP'ов. Это значит, что

совсем скоро мы будем вынуждены прерваться перед тем, как перейдем к подписанию, поэтому в конце я хотел бы попросить господина Мишарина высказать несколько слов. Большая просьба: я понимаю, что каждый губернатор начинает с того, что и ему нужна маленькая «Сколково». Вот попробуйте отказаться от этой, наверно, правильной, но очевидной мысли.

А. Мишарин:

Да-да, Владимир, как всегда, угадал, потому что первый, кто сказал, что ему тоже нужна «Сколково», и предложил сделать филиал, это Виктор как раз знает, был именно я. На самом деле это делается, и делается сегодня независимо, потому что проект «Сколково», он имеет очень важное значение именно для создания среды обучения. Сегодня на Урале создан Уральский университет, который формируется по принципу работы MIT. Если два года назад доля НИОКР в общем бюджете была 5%, то сегодня уже НИОКР в бюджете университета составляет 25%. И мы приняли программу — а программу и дорожную карту разработал непосредственно Андрей Волков, университет под его руководством — что мы ставим задачу создания такого научно-образовательного университета, где одна половина будет преподавательский бюджет, а вторая — научный, и это как раз и является тем принципом и стимулом, к чему мы должны стремиться, и мы к этому идем. И я благодарю проект за то, что он сегодня существует. Ну и еще одна цифра: из 14 резидентов Сколково, которые зарегистрированы, трое зарегистрированы в Екатеринбурге, и они все в университете. Поэтому мы движемся по этому пути независимо.

В. Соловьев:

Молодцы. Спасибо большое, дорогие друзья, на этом часть непосредственно обсуждения подходит к концу. Надо отметить, что это не первый год, когда мы собираемся и обсуждаем проблемы, и приятно отметить колоссальный прогресс, который произошел за год. Та легкость, с которой участники говорят, во многом базируется на их реальном позитивном примере. Потому что, конечно, когда даже год назад мы примерно в похожем составе беседовали, и два года назад, было такое тревожное ощущение: вдруг не получится? И все уважаемые господа, невольно проявляя оптимизм, ставили на карту свою высокую репутацию в бизнесе и в науке. И приятно, что пока оптимизм Джона подтверждается реальными делами.

Сейчас мы ненадолго должны будем перестроить вот эту часть и перейти к очень важной процедуре подписания. Нам не мешает перестраивание, уважаемые гости? Извините, на ваших глазах мы сейчас раскинем свои колоссальные способности подъема тяжестей, и через несколько минут здесь состоится процедура подписания очень важного документа, на котором будут присутствовать Первый вице-премьер Игорь Иванович Шувалов и, конечно, со стороны MIT господин Райф и со стороны «Сколково», я думаю, господин Вексельберг.